

В.Н. ТИТОВ

Распределение социального капитала как условие модернизации российского общества

В статье рассматривается проблема способов накопления и распределения социального капитала по различным уровням анализа общества в контексте перспектив и ограничений модернизации России. На основе анализа имеющегося эмпирического материала, характеризующего достигнутый уровень модернизации и распределение социального капитала в различных группах стран, выявлена положительная взаимосвязь между данными параметрами и определены механизмы влияния социального капитала на процессы социально-экономической модернизации российского общества.

Ключевые слова: социальный капитал, модернизация, модели развития.

The article considers the problem of the methods of accumulation and distribution of social capital on different levels of analysis of the society in the context of the prospects and limitations of the modernization of Russia. On the basis of the analysis with empirical material, which characterizes the level of modernization and distribution of social capital in different groups of countries, revealed a positive correlation between these parameters and define the mechanisms of the influence of social capital on the process of socio-economic modernization of the Russian society.

Keywords: social capital, modernization, development models.

Сложившаяся в России к настоящему времени социально-экономическая система обладает целым рядом характеристик, позволяющих идентифицировать ее как недостаточно продвинутой по шкале “традиционное общество – современное общество”. Отставание страны по целому ряду критически значимых социально-экономических показателей от наиболее развитых стран мира, входящих в ОЭСР, вновь заставляет поднимать вопросы о необходимости перехода на инновационный путь развития, радикальном реформировании различных подсистем функционирования общества, о модернизационном прорыве¹.

С точки зрения генезиса можно выделить два стратегических пути модернизации: 1) органическая модернизация, при которой происходит постепенный переход от воспроизводственной к производственной парадигме функционирования общества и всех составляющих его подсистем (экономическая, демографическая, социальная,

¹ Под модернизацией будет пониматься процесс развития, движения общества в направлении современных образцов его функционирования, которые демонстрируют прежде всего страны ОЭСР. Если современное общество функционирует в режиме постоянного изменения структур, институтов, культурных смыслов и идентичностей, то традиционное общество ориентировано на воспроизводство устоявшихся механизмов регулирования социально-экономических отношений. Императив существования современного общества – открытость широко понимаемым инновациям, тогда как традиционное общество воспринимает различные инновации как угрозу, проблему для своего существования.

культурная, технико-технологическая, политическая, инфраструктурная); 2) модернизация, внедряемая сверху политической элитой или авторитарным режимом.

Первый путь прошли страны Западной Европы и Северной Америки. Для него характерно проведение модернизации на основе сбалансированного развития основных подсистем функционирования общества: новые хозяйственные практики, возникающие в условиях распространения рыночной экономики; оформление новой системы государственного устройства (демократические механизмы, разделение властей); новый тип воспроизводства населения; новые культурные ценности (права личности, индивидуализм, достижительная мотивация и т.п.); постоянная разработка и внедрение технологических и продуктовых новаций; возникновение классовой системы стратификации с увеличивающимися возможностями социальной мобильности населения и т.п. Движущей социальной силой органичной модернизации, заинтересованной в устойчивости процесса производства, стали представители “третьего сословия”, оформившегося постепенно в самостоятельный класс “буржуазии”, впоследствии ставшим ядром среднего класса. Следует отметить, что естественная модернизация снизу находила адекватный отклик со стороны государства, которое создавало и поддерживало институциональную среду, стимулирующую инновационное развитие на основе системы свободных рыночных обменов.

Другой путь – “догоняющая модернизация” – предполагает, что главным субъектом этого процесса становится государство, берущее на себя инициативу и ответственность за последствия избранного пути реформ. Решающим условием успеха становится готовность элиты пойти на серьезную трансформацию прежних механизмов управления и институтов, определяющих правила и нормы поведения в различных сферах общественной жизни. В данном случае речь идет о последовательной деконструкции традиционалистских институтов как барьера распространения новых форм и методов осуществления хозяйственной деятельности, препятствия инновационному развитию экономики. Прежде всего ликвидации подлежат неформальные, личностные, партикуляристские отношения и связи, создающие питательную среду для распространения коррупции. Новые механизмы и институты управления на всех уровнях организации государственной власти должны базироваться на принципах безличности, анонимности, универсализма. Этот императив получил теоретическое развитие в теории идеального типа бюрократической организации М. Вебера воплощения духа рационального промышленного капитализма.

Отступление от принципов универсализма и безличности неизбежно оборачивается реставрацией всех составляющих коррупционной системы: зависимостью суда от исполнительной власти, выборочным применением санкций в зависимости от личной лояльности, вхождением в те или иные неформальные сети отношений, коалиции ситуативно возникающих групп интересов, дифференцированным подходом к предоставлению льгот, лицензий, заказов, обеспечению безопасности ведения бизнеса и т.п. Учитывая эту проблему, ряд стран (Япония, Южная Корея, Тайвань), в которых модернизация осуществлялась сверху авторитарным режимом, для продолжения принятого курса развития вынужден был в последующем внедрять также и комплементарные по отношению к рынку демократические механизмы выборов и контроля над государством, независимый от исполнительной власти парламент и судебную систему.

Один из важнейших аспектов рассматриваемой проблематики – вопрос о предпосылках, факторах и условиях осуществления модернизации. В контексте обозначенной темы интересен прежде всего вопрос о наличии или отсутствии связи между модернизацией как процессом и “модернити” как результатом, с одной стороны, и фактором социального капитала – с другой.

Социальный капитал в контексте проблемы модернизации

В научной литературе проблематика социального капитала рассматривается с двух точек зрения: как ресурс отдельного индивида и как ресурс социальной общности (группа, сеть, общество в целом). Таким образом, условно можно говорить об инди-

видуальном и общественном социальном капитале. Анализ индивидуального социального капитала осуществляется, как правило, на основе теории рационального выбора [Coleman, 1994; Коулман, 2004; Blau, 1964; Schiff, 1992]. Общественный социальный капитал изучается на основе выявления особенностей социальной структуры общества, культурных традиций [Putnam, 1993; 1995; Фукуяма, 2002]. Если избрать первую перспективу, то анализ будет строиться вокруг поведения “экономического человека”, который рационально принимает решение о входе или выходе из социальной сети, об уровне и формах инвестиций в социальную сеть. В прагматическом плане, когда социальный капитал рассматривается как продуманное вхождение индивида в социальные сети поддержки, этот ресурс позволяет облегчить доступ к необходимой деловой информации, получению материальных, финансовых ресурсов и иных выгод. Анализ накопления и использования социального капитала на индивидуальном уровне позволяет выявлять жизненные стратегии, изучать проблему шансов в отношении вертикальной мобильности, влияние накопленных индивидуумом связей на приращение человеческого, культурного и иных видов капитала.

Подобный ракурс рассмотрения социального капитала избран, например, Н. Тихоновой, трактующей социальный капитал как одну из форм находящегося в распоряжении акторов капитала, различные формы которого (экономический, властный, культурный и т.д.) способны самовоспроизводиться и накапливаться, имеют ликвидность и доступный для измерения объем, конвертируются одна в другую и, самое главное, обеспечивают самовозрастание совокупного капитала – качество, принципиально отличающее капитал в любой его форме от “просто” ресурса [Тихонова, 2004]. Данный подход может представить значение социального капитала как фактора социальной стратификации и дифференциации, однако практически ничего не говорит о его интегрирующей роли в обществе.

Если обратиться к анализу социального капитала на уровне организации или иного типа социального образования, то возникает вопрос о том, какова взаимосвязь между накопленным социальным капиталом в организации, социальной общности или обществе в целом, с одной стороны, и характером и уровнем экономического развития – с другой. В центре внимания в данном случае оказывается вопрос о различных эффектах (политических, экономических), возникающих в результате интеграции социальных образований. Социальный капитал как фактор интеграции социальной общности рассмотрен, в частности, в работах [Полищук, Борисова, Пересецкий, 2010], где под ним понимается способность общества или сообществ к самоорганизации и совместным действиям. При этом выделяются две формы социального капитала – открытая и закрытая. Для открытого социального капитала характерен широкий радиус доверия, стремление к созданию или участию в деятельности различных общественных организаций, способных оказывать влияние на принятие политических решений. Закрытый же социальный капитал означает ограниченный кругом ближайшего окружения радиус доверия, отсутствие стремления к социальным инициативам, участию в деятельности общественных организаций. Считается, что именно открытая форма социального капитала позволяет более эффективно решать определенные экономические и социальные проблемы по сравнению с закрытым социальным капиталом, и тем самым именно эта форма наиболее адекватна задачам модернизации.

На мой взгляд, подобное противопоставление чрезмерно жестко и не в полной мере соответствует эмпирической реальности. Например, ряд стран Восточной Азии, продемонстрировавших значительные успехи на пути экономической модернизации, отличало то, что их социальные структуры (семейные, родовые, земляческие) отличались сильной внутренней интеграцией, то есть их социальный капитал имел скорее закрытую форму. Поэтому дихотомия – либо открытый социальный капитал, либо закрытый – представляется некоторым упрощением реального положения дел. Закрытые формы социальной организации, основанные на общих ценностях, нормах поведения, верованиях, также могли играть существенную роль в модернизационных процессах, способствовать оформлению определенных образцов поведения, адекватных требова-

ниям рыночной экономики (закрытые протестантские общины в период Реформации, купцы-старообрядцы, этнические “торговые меньшинства” и т.п.). В то же время, открытый социальный капитал также может приводить как к положительным, так и к отрицательным эффектам с точки зрения перспектив модернизационных процессов. Стремление группы, организации расширить границы сети может обернуться установлением коррупционных связей, которые, хотя и помогают в решении частных проблем сообщества, однако приводят к созданию неблагоприятных условий ведения бизнеса для других. Думаю, успех модернизационного проекта во многом зависит как от открытого, так и от закрытого социального капитала, однако значение каждой из этих форм может изменяться в зависимости от конкретных особенностей конкретного общества, от стадии его экономического и политического развития. Представляется целесообразным рассматривать проблему социального капитала не через призму – либо индивид, либо общество, – а посредством постепенного перехода с индивидуального на последующие уровни включенности индивида в различные все более сложные социальные образования.

Взаимосвязь между типами модернизации и уровнями распределения социального капитала

Социальные сети поддержки как структурная характеристика социального капитала могут быть рассмотрены по определенным уровням. По мере перехода на каждый следующий уровень утрачивается межличностный характер отношений и возрастает степень анонимности контактов. Рассмотрим формы проявления социального капитала по выделенным уровням.

Первый уровень (индивид – индивид) образует непосредственное социальное окружение индивида. Отношения в рамках первичных сетей поддержки строятся на межличностной основе. Значительную роль в выстраивании этих отношений играют эмоциональные привязанности, опыт предыдущего взаимодействия, совместное проведение досуга, взаимопомощь в работе, взаимный обмен ресурсами, услугами, предоставление финансовых средств в долг. Как правило, эти отношения характеризуются относительной взаимностью, симметричностью обменов. В России подобные сети взаимной поддержки традиционно играли существенную роль (институт “знакомства”, “блата”), особенно в периоды социально-экономических кризисов, для решения жизненных проблем.

На втором уровне (индивид – организация) учитывается включенность индивида в различные общественные и профессиональные организации. Организационный социальный капитал дает возможность индивиду отстаивать свои интересы благодаря формальному членству. Взаимодействие в данном случае основывается на формальных ролях и в норме должно носить анонимный, безличный характер. Основа таких отношений – формальный договор о найме, правила членства, формальные правила и стандарты. Организаций, в которые вступает индивид, ожидают от него исполнения соответствующих функций деятельности, лояльности, а сам индивид вправе ожидать возможности удовлетворения в организации своих материальных, социальных, творческих и иных потребностей.

На третьем уровне (индивид – институты, государство) социальный капитал реализуется индивидом в различных формах гражданской активности: участие в политических партиях, движениях, акциях. Индивид в данном случае может использовать весь арсенал конституционных прав для реализации своих политических и экономических интересов посредством использования легальных институциональных механизмов.

Первый уровень рассмотрения социального капитала можно условно назвать микроуровнем, который образуют локальные сообщества, различные общественные и предпринимательские организации, тогда как институциональный и общественный социальный капитал относятся к макроуровню.

На мой взгляд, чрезмерное сосредоточение социального капитала только на микро- или макроуровне может приводить к негативным эффектам в отношении анализа перспектив модернизации. В первом случае смещение баланса в сторону первичных групп чревато их социальным обособлением от остальных уровней (общественные и предпринимательские организации, государственные институты), закрытию границ входа и выхода. Это может способствовать возникновению закрытых криминальных образований мафиозного типа, стремящихся поставить под контроль первичные группы и государство. Во втором случае, когда социальный капитал концентрируется преимущественно на макроуровне, начинает доминировать государство, которое стремится восполнить дефицит ресурса социальных связей и доверия на микро- и мезоуровне рассмотрения общества путем установления прямого контроля над населением, локальными сообществами и предпринимательскими структурами, со всеми опасностями установления авторитарного режима и произвольных политических решений.

Для реализации органического варианта модернизации “снизу” необходимое условие – накопление социального капитала на мезоуровне. В данном случае можно говорить о том, что имеют место автономные центры влияния, представленные широкими социальными слоями населения с целерациональным типом поведения, высокой достижительной мотивацией, имеющими опыт самоуправления в рамках сельских общин, цехов, гильдий, городских магистратов, способными к консолидированным солидарным действиям по отстаиванию своих интересов. Именно эти социальные слои были движущей силой европейской модернизации в период Нового времени и продолжили этот курс в эпоху промышленной революции. Государство в данной исторической ситуации формировалось как производная от воли граждан инструментальная инстанция по защите прав личности. Доверие государству здесь основывается не столько на персональных основаниях, сколько на социальной легитимации анонимных, универсальных институтов с той или иной степенью успеха защищающих права и интересы граждан.

В случае реализации определяемого сверху политической элитой варианта модернизации необходимая предпосылка – наличие или формирование “государства развития”, которое не только проводит политику протекционизма, поддерживает экспортоориентированные предприятия, производящие продукцию с высокой добавленной стоимостью, но и целенаправленно создает институциональную среду, благоприятствующую развитию бизнеса, инновационной экономике: борьба с коррупцией, независимая судебная система, повышение эффективности государственного управления на основе принципов универсализма, безличности. Влияние государства на уровень неопределенности среды принятия решений тем выше, чем активнее оно выступает в роли движущей силы модернизации. Именно от государства непосредственно зависит, будут ли общественные организации, хозяйствующие субъекты действовать в относительно автономном и независимом режиме или же зона свободы принятия самостоятельных решений будет очень ограниченной. В любом случае, как показал Ф. Фукуяма, чрезмерно высокий уровень вмешательства государства в экономику свидетельствует о недостаточном доверии между экономическими контрагентами, их неспособности к “спонтанной социализации”, солидарным действиям [Фукуяма, 2004], что стимулирует государство наращивать свою активность в поле экономики. История знает немало примеров, когда государственная регламентация давала положительные импульсы развитию экономики (модернизация периода реставрации Мэйдзи в Японии, дирижизм во Франции, создание под эгидой государства в Южной Корее “чоболей”, ставших одними из лидеров мировой экономики, плановая рыночная экономика в КНР и др). Однако необходимое условие высокого уровня определенности среды принятия решений – *доверие экономических субъектов этому государству*.

Если характер взаимоотношений между экономическими субъектами и государством в прошлом не предполагал сформировавшейся культуры доверия, а также если действия государства в настоящее время не направлены на создание подобной культуры, то возникает устойчиво воспроизводимая *ситуация недоверия*, усиливающая

степень неопределенности среды принятия решений. В подобной ситуации экономическим субъектам приходится находить сложные способы адаптации к ситуации неопределенности. Постепенно могут быть выстроены неформальные сети межличностных отношений с представителями государственных контролирующих органов власти на местном или центральном уровне. Политические и административные решения принимаются исходя не из стратегических соображений в отношении развития системы в целом, а в результате ситуативных интересов отдельных коалиций, индивидов в целях извлечения личной выгоды. В этом случае перспективы модернизации становятся нереалистичными.

Положительные эффекты от накопленного социального капитала условно можно разделить на внешние и внутренние. Общий смысл социального капитала – обеспечение более четких и предсказуемых взаимодействий, снижение уровня трений и барьеров во взаимоотношениях контрагентов. Социальный капитал снижает уровень неопределенности, рисков, сложности, турбулентности внутри социальной общности и частично во внешней среде. На уровне индивида социальный капитал в виде связей и доверия внутри первичной группы, участия в тех или иных общественных организациях, связей с влиятельными лицами может способствовать максимизации индивидуальной полезности. На уровне деловых организаций, предприятий социальный капитал внутри самой организации позволяет решать проблему интеграции и координации взаимодействия. Социальный капитал, накопленный во внешней среде, помогает в достижении большей определенности положения организации в отрасли и на рынке, а также в обществе в целом за счет обеспечения необходимыми ресурсами, получения информации, снижения транзакционных издержек, связанных с созданием и продолжением ведения дел.

Эффекты накопления и использования социального капитала на уровне общественных организаций, образующих сети связей и отношений гражданского общества, можно представить следующим образом:

- уровень распространения, сила влияния и уровень доверия организациям, представляющим гражданское общество, формируют среду, благоприятствующую индивидуальным, организационным инициативам, и тем самым инновационному развитию;

- горизонтальные связи, на которых базируются организации, представляющие гражданское общество, ориентированы на свободный обмен информацией, что предполагает больший уровень информационной открытости, более эффективные обратные связи как между организациями гражданского общества, так и между различными уровнями рассмотрения общества. Информационная открытость и свободный обмен информацией, в свою очередь, создают среду, адекватную инновационному типу экономики, реализации предпринимательских инициатив;

- гражданское общество, представленное разнообразными формами организационных инициатив, предполагает больший уровень несиловой конкуренции между субъектами, его представляющими. Поле гражданского общества – арена дискуссий, коалиций, партнерств, диалогов, где успех во многом зависит не только от ресурсной обеспеченности, от наличия властных покровителей, но и от способности найти аргументы для обоснования собственной программы действий. Тем самым гражданское общество стимулирует проявление достижительной мотивации, необходимой для успешного развития инновационной экономики;

- гражданское общество может способствовать формированию атмосферы, благоприятствующей положительной социальной идентичности. В гражданском обществе у индивида формируются положительные ожидания в отношении возможности донести собственную позицию до других. Положительная социальная идентичность, соединенная с достижительной мотивацией, формирует тип “зрелой” личности, востребованной в рамках инновационной парадигмы развития;

- гражданское общество, выступая в качестве конструктивного критика и оппонента государства, является противовесом как неконституционных государственных инициатив и политики, противоречащей интересам гражданского общества, так и проти-

воправных действий неструктурированных социальных групп. Блокируя посредством критики, инициирования общественной дискуссии, организованных противодействий произвол государства, гражданское общество положительно влияет на увеличение определенности среды принятия решений. Функция принятия решений, в том числе экономических, в условиях гражданского общества реализуется более успешно;

– гражданское общество в большей степени располагает к появлению фигуры лидера, способного оказывать влияние на принятие политических и экономических решений. В авторитарно-централизованном обществе преобладает тип чиновника, руководителя, а не лидера, который рассматривается скорее как проблема для подобного типа организации общества, как субъект, не склонный соблюдать некие неформальные правила игры. Появление лидеров бизнеса, иницирующих развитие экономик по инновационному пути, можно с большей вероятностью ожидать в гражданском обществе;

– гражданское общество в структурном плане представляет собой совокупность самых разнообразных и разнонаправленных сетевых организаций, которые по своей природе чужды иерархическим структурам авторитарного централизованного общества. Тем самым сетевые структуры гражданского общества изоморфны сетевым структурам инновационного бизнеса;

– в условиях гражданского общества можно ожидать более эффективной реализации функции контроля, поскольку показатели и процедуры контроля как необходимой составляющей экономического развития задаются и осуществляются не только государством, но и осуществляющими мониторинг за ним организациями, представляющими гражданское общество;

– гражданское общество способно корректировать функцию планирования, определения направлений и целей развития, в том числе экономики. В условиях развитого гражданского общества определение политических, социальных, экономических целей развития общества осуществляется не просто “сверху вниз” по иерархии в виде указов, распоряжений без последующего обсуждения, а подвергается всесторонней дискуссии, обсуждению, критике, корректировке. Следовательно, можно с большей вероятностью ожидать не только более обоснованного определения целей, но и большего уровня приверженности сформулированным таким образом целям со стороны населения в силу его причастности процессу выработки этих целей.

На уровне рассмотрения общества в целом социальный капитал может способствовать достижению следующих эффектов:

– доверие населения и хозяйствующих субъектов государственным институтам может способствовать легитимации политики социально-экономических реформ, реализуемых властью в рамках модернизационного проекта;

– доверие государству со стороны населения и хозяйствующих субъектов может способствовать формированию лояльного и конструктивного налогового поведения, снижению уровня оппортунизма по отношению к государству;

– доверие по отношению к государству, провозглашенному им курсу на модернизацию, может стимулировать инвестиционную активность со стороны населения и коммерческих организаций;

– доверие по отношению к государству способствует мобилизации социальной активности населения, готовности граждан пойти на некоторые жертвы в плане увеличения текущего потребления ради будущих экономических успехов страны.

Соотношение между типами модернизации и распределением социального капитала

Размеры накопленного социального капитала в обществе можно попытаться определить на основе реализуемого с 1980-х по 2000-е гг. под руководством Р. Инглхарта мониторингового проекта “Всемирный обзор ценностей” (World Values Survey – WVS). Степень модернизованности различных групп стран могут выразить через

разнообразные индексы, характеризующие эффективность режима государственного регулирования экономики, конкурентоспособность, институциональные условия ведения бизнеса, развитие человеческого потенциала. Так, для определения уровня модернизированности общества были выбраны следующие показатели:

1. **Рейтинг качества государственного управления в странах мира** – проект, осуществляемый под эгидой Всемирного банка (World Bank). Показатель качества государственного управления позволяет определить, в какой степени граждане страны имеют возможность контролировать государство посредством демократических выборов, влияние общественных организаций на политический процесс. Кроме того, с помощью этого индекса оценивается стабильность государственных институтов, качество работы государственных служащих, степень их независимости от политического давления, способность правительства формулировать и реализовывать рациональную политику и правовые акты, степень уверенности различных субъектов в установленных обществом нормах, а также соблюдения ими этих норм, в частности эффективности принудительного исполнения договоров, работы полиции, судов, уровня преступности и т.д. Чем выше значение этого показателя, тем больше оснований рассматривать то или иное государство как современное и способствующее развитию инновационной экономики.

2. **Индекс стран по “условиям ведения бизнеса” (“Doing business”)**, который определяется под эгидой Международного банка реконструкции и развития и Всемирного банка, свидетельствующий о характере институциональной среды, которая создает необходимые стимулы или барьеры для развития экономики, малого и среднего бизнеса, среды, поощряющей или сдерживающей модернизационный вектор.

3. **Индекс глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index)** рассчитывается по методике Всемирного экономического форума (World Economic Forum) и позволяет на основе целого ряда показателей идентифицировать достигнутый уровень социально-экономической модернизации общества.

4. **Индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index, CPI)** – ежегодный рейтинг государств мира, отражающий оценку уровня восприятия коррупции аналитиками и предпринимателями по десятибалльной шкале. Составляется компанией “Transparency International” с 1995 г. Этот индекс не определяет и не может определить реальный уровень коррупции. Его значение состоит в том, что он косвенно позволяет определить степень доверия или недоверия существующему режиму государственного управления, который создает либо благоприятные условия, либо препятствия для свободного предпринимательства, что является важнейшей предпосылкой модернизации и инновационного развития экономики.

5. **Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)** – интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории. Он публикуется в рамках Программы развития ООН в отчетах о развитии человеческого потенциала и свидетельствует о достигнутых результатах модернизации того или иного общества в сфере социально-гуманитарного развития. Более высокое значение индекса, безусловно, свидетельствует о готовности людей в данном обществе принять императивы модернизации и включиться в процесс создания инновационной экономики.

Выделенные индексы позволяют представить основные типы стран с точки зрения достигнутого уровня модернизации: 1) страны с органическим типом модернизации – государства Западной Европы, Северной Америки; 2) страны с догоняющим типом модернизации, достигшие сопоставимых с первой группой стран в отношении уровня социально-экономического развития (государства Восточной Азии); 3) страны с догоняющим типом модернизации, которые, однако, не приблизились по своим экономическим показателям к лидерам модернизационного процесса (государства с переходной экономикой: Восточная Европа, СНГ). Обобщенно взаимосвязь между

показателями, характеризующими распространение социального капитала в обществе на основе “Всемирного обзора ценностей” (World Values Survey – WVS), с одной стороны, и различными индексами, свидетельствующими о достигнутом уровне модернизации общества, – с другой, представлены в таблице.

Таблица

**Соотношение между накопленным социальным капиталом
и показателями, характеризующими уровень социально-экономического
развития по основным группам стран**

	Типы стран по характеру и уровню модернизации			
	Страны Западной Европы и Северной Америки	Страны Восточной Азии	Страны с переходной экономикой, включая Россию	Россия
Средний уровень участия в общественных организациях (в %)	19,6	13,8	7,4	9,3
Средний уровень доверия правоохранительным и судебным органам (в %)	69,2	64,6	36,1	35,8
Социальная активность – подпись петиций, бойкотирование, участие в мирной демонстрации (в %)	34,8	21,4	9,0	8,9
Место в рейтинге глобальной конкурентоспособности 2010 г.	13,5	16,5	74,4	66
Место в рейтинге условий ведения бизнеса 2010 г.	19,3	17	77,2	116
Место в рейтинге восприятия коррупции 2010 г.	18	41	92	154
Оценка качества государственного управления 2008 г. (в %)	89,3	77,7	47,6	26,1
Место в рейтинге развития человеческого потенциала 2007–2008 гг.	11	17	71	67

Если обратиться к данным международного проекта (WVS), позволяющим представить распространенность доверия людям по различным типам стран, то обращает на себя внимание значительно более высокое значение этого показателя в экономически развитых странах ОЭСР по сравнению с постсоциалистическими странами с переходной экономикой. Если в странах с органичным типом модернизации (I группа) среднее значение показателя составляет 43,0%, в странах с догоняющим типом модернизации (II тип) – 33,6%, тогда как в странах с переходной экономикой (III тип) – 21,6%. Это может быть связано как с “траекторией предшествующего развития” стран с переходной экономикой, население которых длительное время пребывало в атмосфере взаимной подозрительности, так и с проблемами социально-психологической адаптации в условиях нарушения социальных связей, вызванного переходом к новому типу отношений в условиях формирующейся рыночной среды.

На микроуровне рассмотрения общества семья пользуется практически безусловным доверием во всех странах, вне зависимости от достигнутого уровня социально-экономического развития общества. Семья – естественное социальное окружение, позволяющее удовлетворить как первичные, так и потребности более высокого уровня сложности. Модернизация, хотя и преобразовала тип семьи, но не смогла радикальным

образом изменить базовые социально-экономические и психологические ее функции. Отличие стран с переходной экономикой, в том числе и России, от экономически развитых стран ОЭСР состоит в том, что в нашей стране семья выступает едва ли не единственным социальным образованием, на которое человек может опереться и которому может безусловно доверять в кризисных обстоятельствах, о чем свидетельствуют многочисленные исследования (см., например, [ФОМ... 2007; Общественное...2010; 2011]).

О величине накопленного социального капитала на мезоуровне рассмотрения общества свидетельствуют такие показатели, как вовлеченность населения в деятельность различных общественных организаций, доверие общественным организациям, а также обращение к тем или иным законным мирным формам политического участия. Данные World Value Survey позволяют говорить о наличии корреляции между уровнем распространения организаций, представляющих гражданское общество, и показателями, свидетельствующими об уровне экономического развития страны.

Еще один показатель, характеризующий степень развития среды гражданского общества, – социально-политическая активность, которая раскрывается через такие формы участия населения, как подпись петиций и обращение с петициями, участие в бойкотировании и законных мирных демонстрациях. Подобные формы социальной активности, свидетельствующие о степени развития гражданского общества, также оказываются в наибольшей степени присущи странам с более высоким уровнем экономического развития. Ярко выраженная социальная активность в развитых странах ОЭСР по сравнению с пассивными формами поведения в России и ряде стран с переходной экономикой может свидетельствовать о наличии институциональной и социокультурной среды, благоприятствующей успешному функционированию институтов гражданского общества, а следовательно, и о значительном накоплении социального капитала на мезоуровне.

Имеющиеся данные позволяют представить в первом приближении уровень распространения доверия на макроуровне анализа. Прежде всего обращают на себя внимание различия между экономически развитыми странами Западной Европы и Северной Америки, с одной стороны, и странами с переходной экономикой, включая Россию, – с другой, в отношении доверия таким базовым общественным институтам, как органы правопорядка и суд, то есть к тем инстанциям, которые непосредственно призваны защищать права граждан. Вероятно, мера доверия именно этим институтам может рассматриваться в качестве устойчивого индикатора накопленного социального капитала на макроуровне.

В ситуации низкой оценки способности к самоорганизации и недоверия к промежуточным и посредническим между населением и государством институтам гражданского общества едва ли не единственным интегрирующим общество началом в представлении респондентов выступает государство, прежде всего в лице исполнительных органов власти (президент и правительство). Высокий уровень положительных ожиданий в отношении исполнительных органов власти, преимущественно олицетворяющих государство, подкрепляется представлениями о том, что большинство населения не сможет прожить без государственной опеки и что государство должно больше заботиться о людях. Социально-экономический патернализм государства в отношении народа, характерный для большинства отечественных респондентов, оставляет мало места индивидуальной независимости и самоорганизации.

Представленные данные по различным типам стран с точки зрения результатов модернизации позволяют установить зависимости между уровнем социально-экономического развития как результатом модернизации и распределением социального капитала по различным уровням рассмотрения общества.

1. Обобщенное доверие по различным типам стран распределяется неравномерно: более высокий показатель обобщенного доверия характерен для стран с органичным типом модернизации (I группа), средний уровень обобщенного доверия для стран

с догоняющим типом модернизации (II тип), самый низкий показатель отмечается в странах с переходной экономикой (III тип).

2. Семья как ядро микроуровня общества пользуется практически безусловным доверием во всех странах, вне зависимости от типа политического устройства или уровня социально-экономического развития.

3. Общественные организации, представляющие основу гражданского общества, пользуются значительно большим доверием в странах с органичным типом модернизации по сравнению со странами с переходной экономикой, включая Россию. Кроме того, для первых характерно более активное участие населения в формах общественной деятельности по сравнению со вторыми. Это также свидетельствует о более высоком уровне развития гражданского общества в первом случае и его влиянии на политические процессы.

4. На макроуровне рассмотрения общества также прослеживаются отмеченные выше взаимосвязи: более высокий уровень институционального (обобщенного) доверия отмечается в экономически развитых странах, которым присущ органичный вариант модернизации. Особенно ярко различие между высокоразвитыми странами и странами с переходной экономикой отмечается по такому показателю институционального доверия, как доверие органам правопорядка и судебной системе.

5. Страны с догоняющим типом модернизации, добившиеся серьезных экономических успехов (Япония, Южная Корея), с точки зрения характера и результатов по показателям, характеризующим распределение социального капитала в обществе, занимают промежуточное положение между I и III типами стран.

В обществах с органичным типом модернизации социальный капитал, как показывают различные исследования, распределен достаточно равномерно, что обеспечивает баланс сил во взаимодействии между государством и общественными организациями, представляющими гражданское общество. Исторически государство в этих обществах сложилось как некий инструмент защиты общественных интересов. Оно крайне редко могло позволить себе действовать полностью в произвольном режиме, поскольку было ограничено в своих возможностях автономными центрами влияния.

В странах с догоняющим типом модернизации, достигших значительных успехов с точки зрения социально-экономических показателей развития, характерно смещение баланса сил в сторону государства. Автономные центры влияния, хотя и существовали в этих странах, однако они не смогли оформиться в целостную систему институтов гражданского общества. Большее значение в плане накопления социального капитала имели семейно-родственные образования, на базе которых создавались капиталистические предприятия, ставшие субъектами азиатского варианта модернизации. При этом, благодаря накопленному социальному капиталу на макроуровне, проявившемуся в высоком доверии населения и предпринимательских слоев по отношению к государству, последнее выступило в роли инициатора модернизационного процесса. Доверие населения и хозяйствующих субъектов государственным институтам способствовало легитимации политики социально-экономических реформ, формированию лояльного и конструктивного хозяйственного поведения, снижению уровня оппортунизма по отношению к государству.

В странах с переходной экономикой (некоторые страны Восточной Европы, отдельные республики бывшего СССР, в частности Россия) продолжает сохраняться достаточно низкий уровень доверия населения к государству как системе управления, способной создавать универсальные, равные для всех правила и санкции. Государство воспринимается не как безличный механизм, призванный защищать интересы населения в целом, а как совокупность персоналий, связанных коалиционными интересами. Декларируемый государством курс на модернизацию оценивается в массовом сознании обычно как очередная кампания, а не как жизненно необходимая стратегия развития общества. В то же время и само население не проявляет активной интенции к солидарным действиям в рамках общественных организаций, которые могли бы представлять и защищать интересы общества перед государством. Низкий уровень со-

циального капитала на мезо- и макроуровне остается одним из критически значимых барьеров на пути успешной модернизации России.

Траектория предшествующего развития нашей страны создала институциональную матрицу, не предполагающую наличия автономного центра влияния в лице гражданского общества. Необходимое условие успешной модернизации – переход от государства как коалиции групп интересов к модели “государства развития”. Это предполагает ответственное поведение политической элиты в отношении населения по защите гражданских прав; учет государством интересов различных групп населения при формировании и реализации социально-экономической политики; наличие постоянных социальных коммуникаций государства на основе эффективной обратной связи с обществом в лице разнообразных некоммерческих организаций, партий, профсоюзов; высокую степень открытости политики государства для общества; наличие механизмов контроля и корректировки действий государства со стороны общества; устойчивость социально-экономической и политической системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Коулман Дж.С. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Экономическая социология. Электронный журнал, <http://www.ecsoc.msses.ru>, 2004. Т. 5. № 3. Май.

Общественное мнение-2010. Ежегодник. М., 2010.

Общественное мнение-2011. Ежегодник. М., 2011.

Полицук Л.И., Борисова Е.И., Пересецкий А.А. Управление коллективной собственностью в российских городах: экономический анализ товариществ собственников жилья // Вопросы экономики. 2010. № 11.

Тихонова Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. № 4.

ФОМ Общественные организации (опрос 2007). Социологический атлас. Серия № 1. Общественная активность и участие населения в НКО и неформальных сообществах (<http://www.fom.ru>).

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.

Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М., 2002.

Blau P.M. Exchange and Power in Social Life. New York, 1964.

Coleman J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge (Mass.), 1994.

Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. № 1.

Putnam R. The Prosperous Community. Social Capital and Public Life // The American Prospect. 1993. Vol. 4. № 13.

Schiff M. Social Capital, Labor Mobility and Welfare // Ration Soc. 1992. Vol. 4.

© В. Титов, 2012